

**УДК 27-475**

**КАТЕГОРИИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ И ПРЕДМЕТНОГО МИРА  
В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ И.А. БРОДСКОГО (СБОРНИК «НОВЫЕ  
СТАНСЫ К АВГУСТЕ»): ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**Байрамова К.А.**

Данная статья посвящена проблеме воплощения категории лирического героя в любовной поэзии И.А. Бродского. Особенностью художественного мировидения поэта становится стремление охарактеризовать лирического героя через предметные детали, когда вещный мир символизирует как душевные переживания героя, так и его философию творчества. Уязвимость, конечность предметного мира ассоциируется в поздней лирике с неизбежным концом физического существования героя, но при этом утверждает идею творческого бессмертия любовного чувства.

**Ключевые слова:** лирический герой, предметный мир, лирика, поэзия, поэты-метафизики, образ, символ, метафора.

**THE CATEGORIES OF THE LYRICAL CHARACTER AND THE  
MATERIAL WORLD IN THE JOSEPH BRODSKY'S LOVE POETRY  
(THE COLLECTION "THE NEW STANZAS TO AUGUSTA"):  
THE INTERACTION FEATURES**

**Bayramova K.A.**

This article is devoted to the problem of realization of the category of lyrical character in the Joseph Brodsky's love poetry. The aspiration to characterize the lyrical character through details of the material world becomes the feature of the poet's artistic worldview when the world of things symbolizes both emotional experiences of the character and his philosophy of creation. The vulnerability and finiteness of the material world in the late lyrics associate an inevitable end of physical existence of the character, but it consolidates the idea of creative immortality of love feeling.

**Keywords:** lyrical character, material world, lyrics, poetry, metaphysical poets, image, symbol, metaphor.

Для поэзии И.А. Бродского образ лирического героя является одной из специфических категорий, воплощающих в себе такой магистральный мотив его поэзии, как мотив изгнанничества. И.А. Романов в работе «Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности» подчеркивает, что лирический герой у Бродского – маргинал, испытывающий чувство отчужденности: «Маргинальность лирического героя поэзии Бродского раскрывается через мотив странничества. И почти всегда герой Бродского – изгнанник, вечный скиталец, страдающий в чужеродной среде» [6, с.80]. В своей статье мы обратимся к проблеме воплощения категории лирического героя в любовных стихотворениях поэта, поскольку, по нашему мнению, в них с особенной очевидностью раскрываются те черты, которые присущи данной категории у Бродского, поэта-философа, а не лирика по преимуществу.

Несклонный к прямому выражению чувств, подчеркнуто одинокий и противопоставленный окружающим, герой Бродского проявляет особенный интерес к предметному миру, помогающему ему в передаче чувств и эмоций, что соотносится как с развитием традиций поэтов-метафизиков и акмеистов, так и той философской семантикой, которой обладает категория вещи в художественном мире Бродского.

В контексте избранной темы нас будут интересовать взаимоотношения лирического героя с миром вещей, художественные принципы воплощения категории вещи в любовной лирике, подробный анализ суггестивности предметного мира сборника. Для примера нами выбран сборник «Новые стансы к Августе» – единственный сборник любовной лирики поэта, посвященный М. Басмановой. Этот сборник, создававшийся Бродским на протяжении двадцати лет, на родине и в эмиграции, позволяет проследить эволюцию предметного мира и категории лирического героя, проанализировать процесс

наполнения конкретных предметных деталей метафорическим и философским содержанием

В рассматриваемом сборнике одним из первых стихотворений, где предметный мир становится ключом к раскрытию образа лирического героя и его взаимоотношений с героиней, является «Песенка». Название предполагает какое-то легкомысленное, незатейливое повествование, каковым история о колечке и должна быть. Герой дарит любимой кольцо со слезой – «жидкой бирюзой». Во все времена украшения считались средством завоевания женщин. Слово «Бирюза» произошло от персидского *fīruza* – «камень счастья». Согласно персидским легендам, бирюза сформировалась из костей людей, умерших от неразделенной любви. Лирический герой «Песенки» любит, но не может, как другие, одарить свою возлюбленную драгоценностями, дать ей что-то конкретное, предметное, вещное – кроме самого чувства. Кольцо (знак верности и глубины чувств) влюбленный просит надевать на безымянный, что подчеркивает серьезность намерений.

Любопытно, что герой осознает, насколько отношения хрупки и недолговечны («Носи перстенок, пока //виден издалека; //потом другой подберется» [2, с.8]). Он чувствует, что ничем хорошим эта связь не кончится, но смиренно продолжает любить, потому что любовь сильнее его самого. В колечко (вещь) вставлена слеза (эмоция). Данная метафора напоминает по своей природе метафизический концепт и символизирует боль, грусть, страдания. Эти чувства влюбленный привносит из будущего, они становятся пророческими. Так Бродский заключает в один маленький предмет (колечко) – огромный мир чувств.

В своей лирике Бродский для характеристики чувств использует достаточно распространенные предметные образы-символы, хотя и понимает эти образы по-своему (кольцо, часы, месяц). Например, стихотворение «Ломтик медового месяца», одно из самых романтических в сборнике, построено на игре многозначностью понятия «месяц», имеющего как предметное, так и временное значение.

Это стихотворение особенно примечательно тем, что в нем обильно используется «морская» лексика (пристань, вода, спасительный круг, чайки, яхты, рыба, устрицы, пена морских валов, гребни). Имя возлюбленной Бродского – Марина. Оно произошло от латинского *marīnus* – «морской». Очевидно, что поэт, используя образы мира природы и вещей, посвятил Басмановой каждое предложение.

Само название стихотворения – «Ломтик медового месяца», можно сказать, «овеществляет» чувство, делает счастье осязаемым. Месяц считается покровителем влюбленных. При этом он тесно связан с морской стихией: именно благодаря гравитационному влиянию луны и возникают приливы (ср. «пена морских валов, // достигая земли, // рождает гребни вдали» [2, с.21]). У Бродского месяц как светило соотносится с месяцем как мерилем времени, причем с самым счастливым для влюбленных «медовым месяцем». Но ключевое слово заглавия «ломтик» не только снижает метафизическое наполнение образа месяца, но и указывает на скоротечность счастья, его изменчивость и краткость. Так предметные детали служат раскрытию подтекста любовного сюжета стихотворения.

Чувство здесь, как природа, стихийно. Любовь сравнивается с рыбой, и бьющейся, и трепещущей одновременно. Бродский рисует удивительные импрессионистические картины природы, подмечая редкие детали, доступные не каждому. У влюбленных все чувства обострены, поэтому они видят скрытую красоту. Постичь ее «помогает // страсть, достигшая уст» [2, с.21]. Это ощущение можно сравнить с «шестым чувством», описанным основоположником акмеизма Николаем Гумилевым в одноименном стихотворении.

В стихотворении «Ночной полет» предметные описания помогают Бродскому воссоздать классическую поэтическую ситуацию романтического бегства. Из Ленинграда герой направляется к пескам (символ времени, вечности) «чтобы слез европейских сушить серебро // на азийском ветру» [2, с.10], чтобы возродиться после неудачных отношений (мотив странничества, о

котором говорилось выше). Неслучайно самолет направляется именно в Азию, где, считается, царит атмосфера спокойствия и умиротворения. Бродский однажды на самом деле собирался бежать за границу на самолете в Среднюю Азию, поэтому мы наблюдаем еще и автобиографический мотив. «А мне в Среднюю Азию всю дорогу хотелось!» – говорит Бродский, беседуя с Соломоном Волковым [4, с.81]. Герой «скитался» меж туч, а значит, двигался без определенной цели, не был уверен в своем решении. Герою тяжело дается прощание с городом, ведь поэт называет Ленинград родным. Страдания героя передаются и сравнением его мозга с льдинкой в стакане, которая начинает раскалываться при соприкосновении с теплой жидкостью: «таяющий в стакане лед, одновременно символизирующий холод реальности и таяние жизни героя, разрушение мира», – пишет И.А. Романов [6, с.94]. Ключ, заблудившийся в кармане и звеневший не у дел – вероятно, символ потери дома. Это создает образ человека, которого нигде не ждут.

Находясь в «брюхе» самолета, герой как будто лишается собственной воли. Самолет – машина, вещь, поглотившая человека. При этом он сродни тому киту, в брюхе которого оказался Иона, ведь самолет символически принимает решение за героя, доставляет его в пункт назначения. Сев в самолет, он лишается возможности бросить все на полпути и отправиться обратно. Самолет обожествляется поэтом («Над одною шестой// в небо ввинчивал с грохотом нимбы свои// двухголовый святой» [2, с.9]). Мы предполагаем, что самолет поэтизируется, поскольку он представляет собой избавление от страданий, единственный способ убежать от прошлой жизни, где герой, очевидно, потерпел любовную неудачу.

«Кошачий мешок», означает, возможно, мир, в котором привык жить поэт, ассоциировавший себя с котом. Герой настолько подавлен, что не видит разницы между жизнью и смертью: «Захлебнусь ли в песках, разобьюсь ли в горах// или Бог пощадит – все едино» [2, с.10].

Виноград (символ крови, жертвы, Христа) сопровождает героя в пути. Однако не Христа, но бога греческих мистерий упоминает Бродский. В финале

стихотворения герой «сжимает в руке виноградную кисть, // словно бог Дионис» [2, с.11]. Дионис, будучи покровителем растений и культур, является богом умирающим и воскресающим. Таким образом, самолет стал для героя проводником в мир вечности, душевного воскресения. Предметные мотивы ключа, самолета, винограда образуют символическое поле стихотворения, обозначая путь героя от гибели к обновлению.

В более поздних стихах отношения лирического героя и вещного мира усложняются. В сонете («Как жаль, что тем, чем стало для меня») телефонный аппарат назван проволочным космосом, а попытка дозвониться до покинувшей героя женщины сравнивается со спиритическим сеансом. Космос – безграничное, непреодолимое между героем и его возлюбленной. Услышать голос любимой по телефону – все равно, что вызвать призрака: его не видишь, но ощущаешь его присутствие. Бродский придает вещи поистине колдовской характер, на что указывает даже место проведения «сеанса» – старый пустырь. Телефон, можно сказать, руководит судьбой героя. Услышит ли он свою любимую снова, зависит не от него, а от этой вещи. Земной, материальный телефонный аппарат становится передатчиком нематериального – образа женщины. Мы понимаем, что герой уже не в первый раз пытается «вызвать» этот образ, но у него ничего не выходит.

В стихотворении «Любовь» переплетение символического и предметного носит еще более трагический характер. С первых строк мы наблюдаем явление, которое можно сравнить с романтическим двоемирием. Перед нами реальность, в которой герой страдает от неразделенной любви, и мир снов, темноты, где он счастлив с любимой женщиной. В мире снов возлюбленная героя беременна. Ребенок – символ надежды на новое, светлое будущее (кроме того, у них с Басмановой действительно был сын). Любовь, не сложившаяся в реальной жизни, остается в мыслях героя, снится ему. Во сне он может придумать любой исход, убежать от реальности. Бродский подчеркивает универсальность чувства, упоминая «двуспинное чудовище» из «Отелло» Шекспира. Он показывает, что природа любви не изменилась с тех времен (и снова позволяет

себе «английский» намек). Поэт употребляет множественное число, тем самым заявляя, что таких влюбленных «чудовищ» множество. Эта деталь также напоминает о трагическом, страшном финале пьесы Шекспира.

Здесь в роли «вершителя судеб» выступает еще один предмет вещного мира – выключатель. Он разделяет реальность и мечты лирического героя. Включая свет, мужчина теряет связь с любимой. Неслучайно, еще в первых строках упоминаются фонари, не приносящие утешенья. Выключатель и телефон из предыдущего стихотворения схожи по своим функциям. Они служат передатчиками не только света и звука, но и образа возлюбленной, но они же и обозначают невозможность реального сближения.

В финале стихотворения герой сокрушается, что человеческая жизнь подчинена реальности, а не мечтам. Он представляет, как однажды любимая привидится ему с ребенком на руках. Тогда герой делает выбор: «тогда я // не дернусь к выключателю и прочь // руки не протяну уже, не вправе // оставить вас в том царствии теней» [2, с.96-97]. Он словно вырывается из мира вещей, становится независимым.

Стихотворение «То не муза воды набирает в рот» звучит мелодично и напоминает песню. Формула отрицательного сравнения с музой в первой строке формирует читательское восприятие: от высокой античной темы Бродский переходит к образам русской сказки (молодец, девушка с платком), к идее сна-смерти («крепкий сон молодца берет»). Здесь снова тема сна соприкасается с темой любви.

Мотив смерти, творческой и физической, повторяется на протяжении всего стихотворения. Голубой цвет возникает у Бродского, возможно, как символ романического идеала («голубой цветок» немецких романтиков). Но здесь голубого цвета платок, которым женщина машет вслед, символизирует утрату идеала. Слова поэта сравниваются с дровами, которые уже никогда не станут снова деревьями, частью живой природы. Так и в творчество поэта больше ничто не вдохнет жизнь. У самого героя «больше синих жил, чем для них кровей// да и мысли мертвых кустов кривей» [2, с.144].

В этом стихотворении поэт приходит к мотиву разрушения, уничтожения, необратимости. О.И. Глазунова так говорит о поздних стихах Бродского: «Философские взгляды Бродского, метафизические в своей основе, окончательно сложились в условиях эмиграции, когда поэт оказался отрезанным от привычного ему окружения, когда в его стихотворениях все чаще стали проявляться «смертные черты» и мотивы оледенения, а размышления над жизнью неизбежно сводились к ожиданию скорого ухода, слияния с Вечностью» [5, с.99].

Опираясь на слова Глазуновой, мы возвращаемся к образу Музы в первой строке. Слова поэта сродни мертвым дровам не потому, что Муза умолкает («воды набирает в рот»), а потому, что поэт чувствует приближение смерти («крепкий сон молодца берет»). Это стихотворение становится своего рода прощанием с самым дорогим существом: с возлюбленной.

Бродский описывает то самое «слияние с Вечностью», о котором говорит исследовательница. Поэт заключает в кружок все мироздание: античность, немецкий романтизм, русские сказки, каток, садок, заячьи уши, крейсер. Он собирает вместе и возвышенные (тема античности, крейсер «Варяг»), и низкие (пришитые заячьи уши, «седина стыдно молвить где») понятия, употребляя и сниженную лексику («и не встать ни раком») и обращение к Богу («Господь прости»). Возможно, именно поэтому «мысли мертвых кустов кривей» – столько совершенно разных вещей переплетается в голове героя на пороге смерти. С их помощью поэт подчеркивает неординарность, всеохватность, вечность и вещность описываемого чувства.

Все это приводит героя к образу круга, такого полного для поэта, и такого пустого для героини, которая уже не испытывает к нему чувств. Этот яркий зрительный образ напоминает эмблему. Игорь Шайтанов в работе «Уравнение с двумя неизвестными (Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский)», исследуя образ круга в стихотворении Донна, называет его эмблемой. «Эмблема ... делает сложное зримым и понятным, указывает на суть явления... А для нас эмблема – модель... барочного мышления, увлеченного сопряжением

"далековатых" идей... В ней – стремление ощутить предметное в его вещности и одновременно, афористически обобщая суть, проникнуть за его пределы, угадывая, что предмет обозначает, чему служит знаком», – пишет Шайтанов [7].

В кружок герой собрал все то, что было с ним на протяжении жизни: вещи, образы, мысли, – все, что связывало его с этим миром и его культурой с древних времен до наших дней. Вещи, которые не предали его чувств, которые оказались лучше людей (ср. «Натюрморт»: «Я не люблю людей...// Вещи приятней. В них// нет ни зла, ни добра» [1, с.127]). Стертый кружок знаменует окончательную смерть – поэт должен раствориться в мироздании и исчезнуть вместе с этими вещами, хотя и не он, любящий, тому причина.

«Человек с его разумом, талантом, воображением и способностями предстает всего лишь как вещь, игрушка в руках неведомых сил, прихоть которых делает возможным его существование... человек из центра мироустройства, вершины развития превращается в одно из вспомогательных звеньев, необходимых для достижения чуждых и непонятных ему целей» [5, с.102], – пишет О.И. Глазунова. «Неведомые силы», жертвой которых стал поэт, – Любовь и Творчество. «В этом состоит главное различие между возлюбленной и Музой: последняя не умирает. То же относится к Музе и поэту: когда он умирает, она находит себе другого глашатая в следующем поколении» [3], – подчеркивает Бродский в своем эссе «Скорбь и разум». Так поэт метафизически обосновывает недолговечность мира вещей (в т.ч. «двуспинных чудовищ» – влюбленных) и незыблемость мира идей (Любви и Творчества).

Лирический герой Бродского, «изгнанник по определению», тянется к миру вещей, который интересует его и с конкретной, и с философской точек зрения. В рассматриваемом сборнике лирический герой достаточно тесно связан с категориями предметного мира, поскольку, согласно Бродскому, тело человека – тоже вещь, которая с течением времени подвергается разрушению, исчезновению. В ранних стихотворениях Бродский восхищен, заморожен миром вещей и предметов. Они кажутся ему обладателями свойств, недоступных

человеку. Вещи являются для поэта проводниками в мир чувств и поэтом одухотворяются.

Но с течением времени предметный мир в своих конкретных проявлениях становится враждебен герою: он разделяет его и возлюбленную (телефон, выключатель). Однако принципиальное новаторство Бродского в разрешении конфликта лирического героя и мира вещей заключается в том, что герой, как в ранней, так и в поздней лирике, уподобляется предметному миру – чтобы в итоге быть обреченным исчезнуть вместе с ним. Основной темой в смысловом итоге сборника становится тема уничтожения (дрова, растекшееся лицо, бескровные жилы, кружок на бумаге). При этом недолговечности предметного мира в философии Бродского противостоят Любовь и Творчество как проявления вечности.

### **Список литературы:**

1. Бродский И.А. Конец прекрасной эпохи. Стихотворения 1964-1971. СПб.: Азбука, 2011. 144 с.
2. Бродский И.А. Новые стансы к Августе: Стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 160 с.
3. Бродский И.А. Скорбь и разум. Из книги эссе / Перевод с англ. Е. Касаткиной) [Электронный ресурс] // Иностранная литература. 1997. № 10. URL: <https://bit.ly/3kd78Jl> (дата обращения: 06.11.2021).
4. Волков С.М. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2012. 448 с.
5. Глазунова О.И. Иосиф Бродский: метафизика и реальность СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2008. 312 с.
6. Романов И.А. Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. М., 2004. 201с.
7. Шайтанов И.О. Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский [Электронный ресурс] // Литература Западной

Европы 17 века [сайт]. 2013. URL: <https://bit.ly/3qj7NwR> (дата обращения: 06.11.2021).

**Сведения об авторе:**

Байрамова Карина Артуровна – студентка филологического факультета Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

**Data about the author:**

Bayramova Karina Arturovna – student of Philology Faculty, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

**E-mail:** karina.bayramova@gmail.com.